

Фрейдлих А.Б.

21/11/87

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

21 ноября 1987 г.

Алиса Фрейдлих

ВСЕГО ОДНА ЖИЗНЬ

— Наш Ленинградский БДТ — в числе театров, участвующих в комплексном театральном эксперименте. Театр получил право самостоятельно определять свой репертуар, не согласовывая его в инстанциях, сам и отвечает за то, что ставит. Эксперименту вот уже скоро год. Срок маленький, и, конечно, инерция, привычка делать перед начальством книксен еще сохранились. Мы переживаем очень интересный, плодотворный для искусства период. Разумеется, я приветствую перестройку, но я не жду быстрых результатов от нее. Слишком долго многие из нас привыкали к тому, что думать за нас должен кто-то другой, а не мы сами... Все же на ближайшее будущее у нас большие творческие планы и весьма интересные драматургические заготовки: например, «Доктор Живаго» Б. Пастернака и «Закат» И. Бабеля, постановка которых намечена на 1988 год. К 70-летию Великого Октября выпустили «На дне» М. Горького, где я играю Настю.

— Интерес актера к драматургии всегда был острым. Что вы можете сказать о сегодняшней пьесе?

— К сожалению, наша драматургия в последнее время находится в незавидном положении. Гораздо сильнее сейчас, бесспорно, проза. Видимо, писатели более независимы. Не случайно очень многие театры обращаются к инсценировкам. И все же из драматургов, которые пишут сегодня остро и современно, безусловно, хочется назвать А. Гельмана, М. Рощина, Л. Петрушевскую. Сейчас начинается, кажется, отходить период так называемой «новой волны» в драматургии, когда авторы обращались не столько к общественным, сколько к моральным, нравственным темам, к жизни семьи, индивидуальному бытию личности. Это был сигнал: в обществе — утечка нравственности. Я лично отношусь к этой драматургии (сюда можно отнести, например, пьесу Е. Разумовской «Сад без земли» и пьесу А. Галина «Жанна») несколько настороженно, она мне представляется слишком мрачной, темной, не оставляющей надежды. Мне кажется, театр не может существовать без мечты, без надежды.

Я верю, что в самосовершенствовании человеку помогает искусство. Театр может всемерно содействовать этому, поскольку у него больше всего возможностей найти путь к человеческому сердцу. При этом театр воздействует не только на какого-то определенного индивидуума, зритель чувствует как бы единое дыхание сцены и зала.

Мне очень нравятся роли «с метаморфозой», когда мой персонаж уходит из пьесы другим человеком. Если же говорить о жанровых признаках, то самый интересный и самый высокий жанр, на мой взгляд, это трагикомедия. То есть меня как актрису больше интересует острая форма, когда происходит соединение крайностей.

— И в театре, и в кино! Как вы вообще относитесь к работе в кино!

— Театр и кино, безусловно, — не одно и то же, хотя отправная точка одинакова. Это правда существования, правда чувства и правда его художественного воспроизведения. Но кинематограф и театр требуют разных амплитуд правды актерского существования. И дозировки выразительных средств для театра и кино различны. А методологически, конечно же, театр располагает для актера гораздо большими возможностями. Здесь есть репетиционный период, есть время для созревания и выращивания характеров, есть последовательность проживания роли, которой нет в кино.

Актер в театре обязательно имеет право быть соавтором при создании спектакля. Георгий Александрович Товстоногов, к примеру, не только допускает соавторство, но и всячески его приветствует. Но есть режиссеры-диктаторы. С такими я не люблю работать, попытка режиссера самоутвердиться за счет актера — это заблуждение. Конечно, последнее слово остается за режиссером, но если он не прошел через этап соавторства, он себя просто обокрал.

Если говорить о своей работе в кино ретроспективно, могу признаться: то обстоятельство, что мне пришлось сначала зарабатывать какой-то театральный «капитал» для того, чтобы кинорежиссеры взяли на себя труд тратить на меня особое время, меня очень огорчало. Однако это было закономерно для меня. В те годы в кино существовал некий твердый стереотип героини, определенный тип лица, тиражировавшийся из картины в картину. Потом на Западе с некоторым опозданием у нас был сломан этот экранный стереотип, и появились героини, что называется, без «медальных» черт лица. Успех в кино для меня пришел с фильмом «Служебный роман», хотя этот успех предвляла лента, где у меня была небольшая роль — «Анна и Командор».

— Каковы на сегодняшний день ваши театральные мечты!

— Как у актрисы у меня есть, конечно, целая «обойма ролей», которые я хотела бы сыграть, но уже в силу утекшего времени вижу лишь «пяточки» этих ролей. Одно из самых главных моих мечтаний — булгаковская Маргарита. Однако, во-первых, эта роль уже недоступна мне по возрасту, а во-вторых, роман такой многоплановый, что, когда даже появилась возможность инсценировать его в театре, добиться серьезных успехов мало кому удалось.

Очень жалею, что мало играла ролей из Достоевского — это один из самых любимых моих авторов. Жалко, что жизнь только одна, актеры это особенно чувствуют.

Беседа вел
В. ЧЕРНЫШЕВ.

● Народная артистка СССР Алиса Фрейдлих.

Фото В. Плотникова.